Был конец августа. Надвигалась осень. По небу ходили серые тучи. Моросил мелкий дождик. В селе Подымалове, несмотря на воскресный день, царила невозмутимая тишина: подымаловские крестьяне только что воротились из церкви и, пообедав, мирно отдыхали по своим домам. На улице, по случаю непогоды, не было видно ни одной души, казалось, всё спало непробудным сном.

Но вот в полдень к воротам сельского старосты подъехал верхом на лошади средних лет мужчина, одетый по-мещански, и вошёл в избу. А через час дремавшее село оживилось: мужики, точно тараканы, выползали из своих жилищ и собирались кучками то у одного дома, то у другого, о чём-то жарко толкуя. Видно было, что приезд верхового мужчины касался не одного только старосты.

Вскоре ни для кого не было тайной, кто был приехавший. Виноторговец К-н послал передового известить крестьян, что в тот же день он будет у них в Подымалове для переговоров об открытии в селе кабака.

Через час прояснилось, на небе остались лишь два-три клочка сереньких тучек. Солнце заиграло своими золотистыми лучами. Из домов то и дело выбегали ребятишки, принимаясь за различные игры. На завалинках показались бабы. Где-то слышался голос гармоник. Село приняло праздничный вид.

Подымаловские мужики мало-помалу стали сгруппировываться у пожарного сарая в одну общую кучу – это место в летнее время было их излюбленным пунктом для всяких деловых сборищ. Немного погодя явился туда и староста, заметно уже подвыпивший. «Пошумев» с мужиками о предстоявшем деле, он уселся поодаль от них, на брёвнах и тихо, почти шёпотом, беседовал с некоторыми избранными сельскими заправилами. По его энергичным, убедительным жестам можно было догадаться, что он внушал «вожакам» какую-то важную мысль.

В толпе, между тем, стоял несмолкаемый говор и шум.

Да и как тут было не покричать, не пошуметь! Вдруг, накося – свой кабак, водка под боком! А кабак для подымаловских крестьян был явлением новым: десятки лет мужики пользовались водкой – и то очень редко, на свадьбу или на большой праздник – в соседнем селе Лукоянове, бывшем от них верстах в пятнадцати.

Замечательно при этом то, что поездка в кабак какого-нибудь подымаловского Ивана всегда обставлялась характерною особенностью. Ещё накануне было известно почти всему селу, что Иван или Степан едет за водкой. К нему приходили его односельчане, нуждавшиеся в водке по тем или иным причинам, и делали свои заказы. Иван охотно брал на себя эту «миссию», зная наперёд, что дело не обойдётся без магарыча. И никогда Иван не ошибался. Возвращаясь с водкой, он смело шёл к своим «клиентам» и получал с них положенную дань, выпивая у кого рюмку, у кого две, а у кого и чайную чашку. Эта оригинальная повинность, если можно так выразиться, отнюдь никем не осуждалась и была известна на селе под именем «проездной пошлины». Иван, должно, пошлину пошёл собирать, – совершенно серьёзно заметит, бывало, кто-нибудь из соседей Ивана, увидя его идущим по направлению к своим заказчикам.

***

Было уже около трёх часов пополудни, а ожидаемый виноторговец всё ещё не ехал. Люди заметно стали слабеть, уставать; они уже не спорили и не шумели, а напряжённо смотрели в ту сторону, откуда должен был показаться виноторговец.

– Кой чёрт он не едет?! – раздражительно проговорил, отделяясь от толпы, приземистый мужичонка с большой лохматой головой.

– Чай, не становой, в самом деле, морить-то нас! – лохматый мужичонка решительно зашагал к дому, но, взглянув на неподвижно стоявшую толпу, воротился.

– Пойдём, Чугунка, домой! – не унимался он, хлопая по плечу стоявшего к нему спиной соседа и закадычного приятеля. – Чаво тут грязь-то месить без толку.

Чугунка обернулся. Это был коренастый, плотный, с широкими плечами мужик, прозванный Чугункой именно за свою плотную, точно отлитую, фигуру.

– Домой?.. – удивлённо протянул Чугунка, вытаращив на приятеля свои красные, рыбьи глаза. – Да у тебя тут-то все дома? – и Чугунка указал при этом на лоб. – Магарыч на носу, а он, на-ка, поди домой! Кульер, вон даве, баял – в Митревке 12 вёдер...

Но Чугунка не докончил: за околицей вдруг послышались колокольчики.

– Едет! Едет! радостно закричала усталая толпа. И вслед за этим у околицы показались быстро катившиеся по дороге два тарантаса, запряжённых парами.

– Глянь-ко, Петруха (хотя Петруха и без того глядел во все глаза), – а ведь он не один едет! На двух парах катят! – толкая в бок чуть не 70-летнего Петруху, проговорил корявый, с глуповатым выражением лица мужик. – Кого это ещё чёрт несёт!

Петруха только поморщился на бесцеремонную выходку корявого мужика, но смолчал. В другой раз он бы не допустил этой фамильярности, – какой он ему, в самом деле, Петруха! – но тут смолчал, не до него было...

Экипажи подъехали и на минуту приостановились. В первом из них сидели двое: высокий мужчина с лопатообразной русой бородой, одетый в серую поддёвку, и франтоватый молодой человек в коричневом пальто с кожаной сумкой через плечо. Это были старшина с писарем. В другом сидел толстый, с обрюзглым широким лицом немолодой уже господин, одетый также в пальто, но без сумки, а с саквояжем у ног. Это был главный доверенный виноторговца К-на, родной брат его А. Самого хозяина не было.

Мужики раскланялись с приехавшими и молча, с каким то особенным любопытством, разглядывали их. Староста быстро подбежал к тарантасу, где сидели старшина с писарем, и поздоровался с ними за руку. Старшина перекинулся несколькими словами с старостой, и тарантасы покатили к казённой квартире. Староста направился туда же, приказав «старикам» собираться в мирской избе.

Спустя полчаса в село въехала телега, запряжённая парой, с объёмистым бочонком, и остановилась неподалёку от сборной избы, возле срубов. Проводник слез с телеги и, облокотившись на бочонок, с какой-то хитрой улыбкой посматривал на сновавший туда и сюда народ, насвистывая какую-то песню. Возле телеги собралась кучка любопытных.

– Ужли водка? – радостно допрашивали проводника мужики, обнюхивая подозрительный бочонок.

Но проводник молчал, помня наказ доверенного не болтать зря, и бесцеремонно отталкивал мужиков от бочонка. Вскоре на сход явились старшина с писарем и доверенный. Им отвели почётные места. Руководитель схода, староста Анисимыч, со знаком на груди, уселся тут же, рядом со старшиной, по левую сторону. Сход был в полном составе, однако прежнего шума не замечалось, лишь втихомолку кое-кто из крестьян перешёптывался между собою. Веяло чем-то торжественным. Но вот с места грузно поднялся тучный доверенный и, опершись по-прокурорски обеими руками

на стол, начал каким-то сиплым, точно заспанным голосом.

– Ребята! Вы уже знаете, зачем собрались мы сюда. Мой брат, виноторговец К-н, послал меня к вам переговорить насчёт кабака. Село у вас большое, а кабака нет. Брат поручил мне передать вам, что если пожелаете вы иметь у себя кабак, то он откроет, дайте только приговор. Подумайте, и будем рядиться, – закончил доверенный и сел.

Сход зашумел, заволновался...

– Не надо кабака! Не желаем! – запротестовали несколько голосов. – Раззор с ним один!

– Чаво тут не надо! Не слушай их! Говори, сколько даёшь? Цену говори! – послышалось несколько авторитетных голосов.

Доверенный приподнялся, желая что-то сказать, но ему не дали. Сход заглушил его намерения.

– А насчёт водки-то как?! – не выдержал заботливый Чугунка и заорал во всё горло. – Сухая ложка рот дерёт! Вон в Митревке, бают, 12 вёдер...

– Водки! Водки! – подхватил сход. Угости стариков! Какой толк без водки!

– Не надо водки! Не надо кабака! Сколько годов жили без...

– Тише! – вдруг закричал старшина, сверкнув начальническими глазами. Дайте слово сказать!

– Тише! Тише! повторяя приказание старшины, кричал замешавшийся в толпе староста. Господин доверенный говорить хочет с вами.

Сход на минуту смолк. Доверенный вновь приподнялся и начал:

– За водкой дело не встанет, – водка на дворе. Дадите приговор – пейте. Жертвую пять вёдер. А за ценой я не постою: 100 рублей в год! 5 вёдер водки и сто целковых! – пояснил доверенный.

– Мало! Мало! 200 целковых и 10 вёдер! Мало!

– Ничаво не надо! Ступай от нас с Богом! Не смущай мир...

– Тише! – вновь закричал староста и приготовился говорить. – Кабак нам, ребята, необходим. Всякий раз не наездишься за водкой-от. Лукояновка от нас далеко: разорение одно с ездой-то... А кто много кричит, тому...

– Верно, Анисимыч! Справедливо! – опять загорланили вожаки, перебивая Анисимыча.

Сколько тут потом ни отстаивали благоразумные мужики своё «не надо кабака», главари перекричали их и поставили на своём. За кабак было выряжено полтораста рублей в год и 10 вёдер водки. Кабак открывался на трёхлетний срок.

– Потрудитесь, Иван Петрович, написать приговор, – обратился к волостному писарю доверенный.

Приговор был кончен и тут же засвидетельствован старшиной. Старшина с писарем и доверенный после должных возлияний уехали. А «старики» начали распивать «магарыч». Пили прямо на воле, из ведра, объёмистой чайной чашкой. Пили и молодые и старые. Приходили и бабы, мужья которых были в отлучке, но пить не пили, а отливали «мужнину порцию» в особую посудку и уносили. Для соблюдения очереди были наряжены особые надзиратели из «благонадёжных» сотских и десятских.

– Ты куда опять лезешь, Чугунка? В другой раз лезешь! – отталкивая от ведра Чугунку, проговорил памятливый «надзиратель».

Чугунка что-то проворчал с сердцем и отошёл в сторону.

– Пойдём, Петруха, выпьем? – фамильярно обратился знакомый уже нам корявый мужик к 70-летнему Петрухе.

Но подвыпивший «Петруха» на этот раз не выдержал и наградил «неуча» здоровой затрещиной:

– Вот тебе, армай, за Петруху! В отцы тебе гожусь, молокосос!

Корявый мужик успокоился.

Выпивка продолжалась до поздней ночи. Мужики допились, что называется, до зелёного змия. Магарыч закончился почти поголовной дракой из-за украденного кем-то ведра. Чугунка валялся в грязи возле своих ворот и о чём-то безсвязно бормотал. Около него покачивался его приятель с лохматой головой, но, запнувшись за соседа, упал и тут же захрапел. Бабы ходили по селению и подбирали своих перемеченных в драке мужей.

***

С нового года в селе Подымалове питейный дом виноторговца К-на начал свою разрушительную деятельность. Много туда перетаскали подымаловские «трезвенники» своих трудовых, много поглотил соблазнительный приют разного крестьянского скарба! Пропившиеся мужики несли туда и пропивали хлеб, несли и закладывали одежду, обувь и даже – как не стыдно! – краденый у жён холст и пряжу. А Чугунка ухитрился стащить у жены даже клушку с яйцами. Стащил и пропил.

Прошло три года. В местности, к которой принадлежит Подымалово, вводилась казённая виноторговля и навсегда изгонялись разорительные питейные дома. Но в Подымалове казённой винной лавки открыто не было: её нашли лишней. И там, где висела прежде вывеска питейного дома, теперь красуется надпись «Дешёвая народная чайная». Бабы радуются. Мужики привыкают.

Виноват, читатель! Я не сказал вам о судьбе денег, полученных с купца К-на за подымаловский кабак. Староста говорит, что истратил на молебны и «вожаки» это подтверждают. Надо верить.

(Уфимские губернские ведомости. 1904, 2 мая)

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА

Журнал «Бельские просторы» уже рассказывал о расцвете уфимской литературной жизни в начале XX столетия (смотри № 8 за 2015 год). И в мае 1904 года редактор наших «Ведомостей» С. Султанов в рубрике «Фельетон» печатает литературный очерк «Подымаловский кабак».

Можно лишь предположить, что автором являлся Михаил Николаевич Щербаков. В 1905 году он служил помощником делопроизводителя врачебного отделения губернского правления, высшего исполнительного органа в крае. Видимо, был не чужд увлечения литературой. По крайней мере, с 21 мая по 29 июня 1905 года во время отпуска основного редактора Ивана Павловича Тюнина М. Щербаков исполнял обязанности редактора «Уфимских губернских ведомостей».

Сюжет привязан к окрестностям Уфы, где находится деревня с редким названием Подымалово. Её имя не случайно было на слуху у современников. Подымалово лежало на важном Елабужском тракте, что шёл на запад, в сторону Камы и далее на Вятку. Здесь располагалась почтовая станция, где ямщики меняли лошадей.

В сельце на бойком месте имелись бакалейная, казённая винная лавки, а также пивная (1896 год). В 1912 году в Подымалово насчитывалось 56 дворов и проживало 217 человек.

На уфимские места указывает также употреблённый в статье термин «армай», на оренбургском говоре (из татарского) – разбойник, буян.

Очерк Щербакова интересен показом деревенской демократии. Крестьяне каждого селения составляли самостоятельное сельское общество (общину), в Подымалово было два общества, образованных бывшими крепостными разных помещиков.

Каждое общество являлось юридическим лицом, ему принадлежала вся земля, крестьяне выступали лишь пользователями усадьбы, пахотных, сенокосных и других угодий – без права продажи. Община сама следила за порядком, выбирая из крестьян сотских и десятских, по-современному – добровольных дружинников, охранявших тишину и благолепие.

Высшим органом управления общины был сельский сход, избиравший на три года руководителя – сельского старосту (главу администрации, сказали бы ныне). Все решения сход принимал квалифицированным большинством в 2/3 голосов от списочного состава домохозяев. На сход имели права приходить и участвовать в голосовании лишь домохозяева – главы семейств (изредка, от очень больших семей были двое). Женщины-домохозяйки, возглавлявшие семьи без мужей или замещавшие их во время длительного отсутствия, юридически тоже считались полноправными участниками схода с правом голоса, но обычно не посещали мужское торжище. И в статье бабы пришли лишь в конце за «мужниной порцией» водки. Только в Первую мировую войну, когда мужья годами воевали или были убиты, роль женщин в сельских сходах возрастает.

Из очерка видим топографию условного Подымалово: пожарный сарай (там хранился ручной насос на телеге с инструментом), казённую квартиру или мирскую избу, где размещался староста Анисимыч, носивший на груди специальный знак сельского старосты.

Летом сход обычно собирался на улице. И для обсуждения важного вопроса об открытии кабака в Подымалово приехал волостной старшина. Низшей административно-территориальной единицей в Российской империи являлась волость (у казаков – юрт), волости составляли уезд, а те образовывали губернию или область. Подымалово входило в Дмитриевскую волость, вспомним слова Чугунки, что «в Митревке 12 вёдер» распили.

Выборные от всех сельских обществ волости, в зависимости от числа жителей, также на три года избирали волостного старшину (глава районной администрации сейчас): в тарантасе сидели «высокий мужчина с лопатообразной русой бородой, одетый в серую поддёвку и франтоватый молодой человек в коричневом пальто с кожаной сумкой через плечо. Это были старшина с писарем».

Существовала волостная администрация на средства от местного самообложения, все домохозяева уплачивали небольшой налог, никаких субвенций из Уфы от губернского бюджета не предусматривалось. Важнейшую роль в жизни волости играл волостной писарь, его единственного в статье даже назвали по имени-отчеству: «Потрудитесь, Иван Петрович, написать приговор, – обратился к волостному писарю доверенный». Даже купец-виноторговец говорил с ним уважительно. В руках писаря находилась вся документация, а, как известно, на Руси без бумажки ты...

После бурных дискуссий, где кто кого перекричит – демократия в действии, сельский сход выносил постановление, принимал «приговор», как выражались тогда. От слова «приговаривать», сход приговорил то-то и то-то. В специальную книгу заносились все приговоры, которые подписывали домохозяева, неграмотные ставили

«крест» либо иной знак. Важные приговоры заверял волостной старшина, который «за мзду» специально приехал с писарем в Подымалово.

При всей открытости и действенности деревенской демократии делами вершили, как выразился автор, избранные сельские заправилы, «вожаки». «Верно, Анисимыч! Справедливо! – опять загорланили вожаки». Попытки части домохозяев не допустить открытия кабака были чётко пресечены популистами-вожаками со старостой, умело управлявшими толпой вожделевших.

В очерке рассказывается о ситуации до введения казённой продажи питей. В 1894 году министр финансов С.Ю. Витте вводит монополию казны на торговлю крепкими спиртными напитками (исключались пиво и лёгкие вина). Сами заводы, где выкуривался спирт, оставались в частных руках, но теперь владельцы весь спирт были обязаны поставлять на государственные склады, где спирт очищался и разливался (ведро водки = 12 литров).

На местах открывались казённые винные лавки. Напиток, известный сейчас под именем «водка», исторически в России именовался хлебным вином и лишь к концу XIX века утвердился под современным названием и, кстати, в 40-градусной крепости. «Водки! Водки! – подхватил сход», подымаловцы уже вовсю употребляли данный термин.

В Уфимской губернии в числе первых уже в январе 1895 года была введена казённая монополия на торговлю водкой. Шинкарство, незаконная продажа спиртного, являлось уголовным преступлением. «Казёнка» быстро завоевала рынок, и М. Щербаков верно оценивает это как благодеяние для народа (и казённого бюджета).

Качественное спиртное, в общем недорогое и с широким ассортиментом тары, вплоть до «мерзавчика» ёмкостью в полстакана, быстро вытеснило суррогаты. Казённые пункты продажи спиртного работали строго по графику, не принимали в залог ничего, торговали лишь на вынос, что избавило население от отравления контрафактом, ростовщичества, спекуляции.

Но чтобы открыть в селе любую винную лавку требовался приговор сельского схода. Только сами жители (домохозяева) решали: торговать спиртным в деревне или нет. Сейчас население никто не спрашивает. «Село у вас большое, а кабака нет»...

Михаил Роднов